

ВАЛЕНТИН МАХАЛОВ

ПОЮС ЛЮБВИ

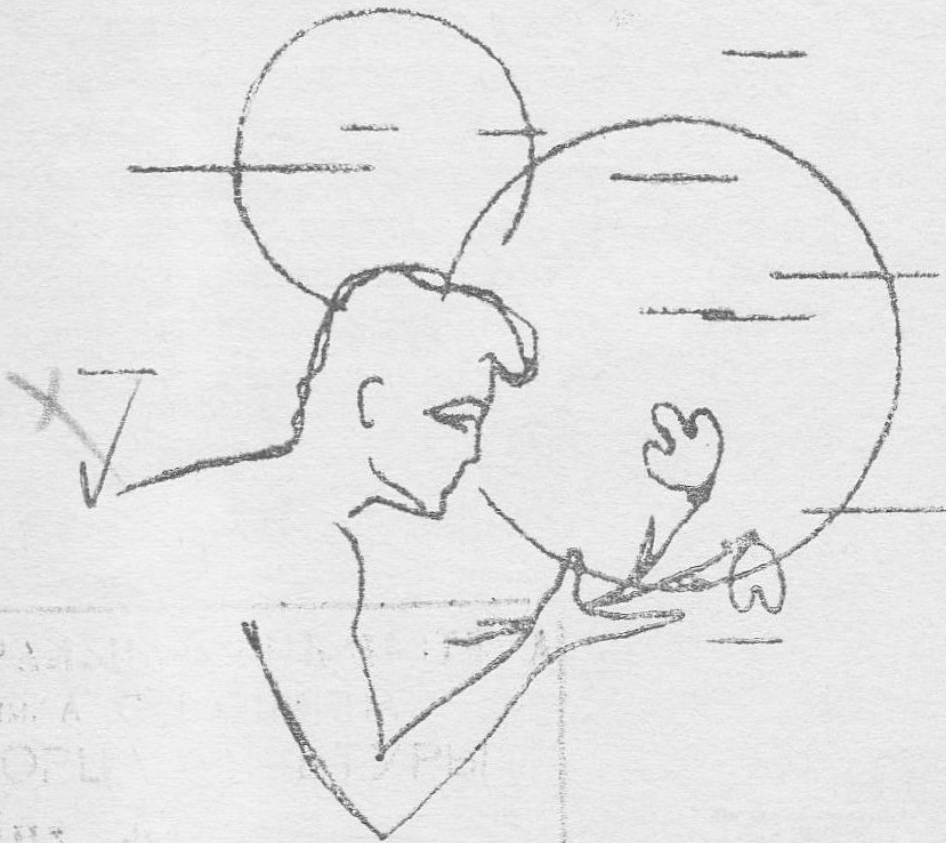

42833.

ВАЛЕНТИН МАХАЛОВ

ПОЛЮС ЛЮБВИ

42833-0

БИБЛИОТЕКА
ИМ. А. С.
ДВОРНИКОВА
ГЕН. ДИВ.
г. Ленинск-Кузнецкий, Кемер. обл.

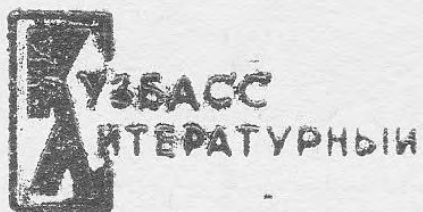
Кемеровское книжное издательство
1966

7—4—2
40—66М

Валентин Махалов — поэт и журналист, автор двух поэтических сборников «Сердце ищет песню» и «Ступени к солнцу».

Поэт адресует свои стихи преимущественно молодому читателю, с ним ведет взволнованный разговор о дружбе, любви, человеческом достоинстве.

В сборник включены новые стихи и поэма «Три декабря».

Я все не в силах отразить.
Вот и сейчас проходит мимо
дыханье ветра и грозы,
дыханье женщины любимой.
Иное — просто не могу
Другому — не придам значенья.
И потому всегда в долгу
мое скупое вдохновенье.
И я завидую порой
и восхищаюсь тайной силой
обычной капли дождевой,
в которой солнце отразилось.

ГОНЧАРНЫЙ КРУГ

Завидую искусству гончара,
его рукам, порывистым и грубым.
Да здравствует веселая игра
гончарного танцующего круга.
Я верю, в чуде превращенья — жизнь.
Я верю, все мы — на гончарном круге.
Вершит земля крутые виражи,
и нас формуют опытные руки,
натруженные руки гончара —
их мастерство отточено веками.
И я комочком глины был вчера
под этими тяжелыми руками.
Мне отдал все, что мог,
гончарный круг —
пытливый ум
и жадную влюбленность...
Горячим лбом твоих касаюсь рук
и чувствую свою незавершенность.

Я был влюблен до нелепости.
И в этот тревожный миг
рушились стены крепости,
которую я воздвиг.
Рушились стены,
рушились,
и я был к сдаче готов.
Входила в меня
безоружная,
воинственная любовь.
Молчала крепость подавленно,
победу праздновал враг.
И над ее развалинами
был выброшен белый флаг.

НИНКА

У Соловьевой Нинки в дневнике стояли в ряд пузатые пятерки, и книжку на английском языке она прочла от корки и до корки. Она на самый каверзный вопрос всегда могла ответить без запинки. И был у Нинки гордо вздернут нос, а на носу веснушки-золотинки. Я тоже рос и ловок и смышлен, но с ней тягаться было нелегко мне, не потому ль среди множества имен я имя Нинки на всю жизнь запомнил? Я в пятом классе написал стихи об этой самой Нинке-золотинке, в десятом классе у седой ольхи мы с ней сошлись на узенькой тропинке. Я все пути-дороги преградил русоволосой маленькой гордячке. Я был упрям. И я настойчив был, я верил в силу и в свою удачу. Я не был на разбойника похож, которого боялась вся округа, но вышло так, что Нинке этой все ж на той тропинке приходилось туго. Поняв одно, что я не уступлю, она тогда не поняла другого,

что я ее отчаянно люблю,
но только не найду такого слова,
такого слова, чтоб ее глаза
весенним, ясным солнцем озарило.
И я ей крикнул:
— Рыжая коза! Отличница!
Подлиза и зубрила!
Мой вид был угрожающе суров —
у Нинки плечи дрогнули устало,
и каждое из тех обидных слов
ее, как ветки, по щекам хлестало.
Она шагнула слепо на меня,
пошла домой нетвердыми шагами,
и я отпрянул, словно от огня,
от глаз ее, наполненных слезами.
Она ушла, красива и горда,
совсем одна, печально хмурия брови.
Я долго шел по Нинкиным следам
за первую мальчишеской любовью.
Порой сейчас в таинственном бреду
приснится снова эта мне тропинка.
Идут года...
И я по ней иду,
но не догнать мне Нинки-золотинки.

Ты, словно лодка,
легка, светла,
парус косынки взвиг
Руки твои —
как два весла
в океане любви.
Мне за тобою
плыть да плыть
к золотым островам.
Мне о тебе
всю жизнь говорить
солнечные слова.
Трепетным взмахом
легкой руки
ты меня позови,
чтоб в синей волне
моей строки
услышать голос любви.

Я застенчивый джин
из волшебной лампы,
я дремлю в ожиданье
вечерней зари.
Хочешь —
я закричу,
как актер,
ослепленный лучами рампы.
Хочешь —
я замолчу,
как молчат
перед песней любви
глухари.
Я возьму тебя за руку
осторожно,
уведу тебя к сказке,
к пугливому крику совы.
Я заставлю стучать
твое сердце тревожно,
я заставлю молчать
твои губы о нашей любви.
И когда ты попросишься
снова к земному сиянью —
твою просьбу исполнит
услужливый маленький джин.
Невесомую руку

подаст он тебе на прощанье
и покажет,
где кончилась сказка
и где продолжается жизнь.

СОПЕРНИК

Я был в плечах его поуже.
Был смел, горяч, но не силен.
И приходилось мне потуже
в коротких стычках за селом.
Не раз пахал я землю носом,
наткнувшись на его кулак.
Не зря, зная, был в таких вопросах
соперник мой большой мастак.
Но я крепчал от схватки к схватке.
Мне впрок его уроки шли.
Я твердо знал: его лопатки
еще отведают земли.
Старанья не пропали даром —
в одном из самых злых боев
соперник рухнул от ударов
моих тяжелых кулаков.
Свистела иволга негромко.
Туман окутывал поля.
Я шел на звонкий голос хромки
к недалёким старым тополям.
И там, в шумливом хороводе,
набравшись храбрости и сил,
ее при всем честном народе
на модный танец пригласил.
Ее, девчонку-недотрогу,
был без которой свет не мил.

Недаром к ней свою дорогу
я так настойчиво торил.
Играла хромка стоголосо,
и пары в танце шли ко мне,
но только пепельные косы
качались где-то в стороне.
Качались, сумрачно качались,
в ночи заметные едва.
И без ответа оставались
мои призывные слова.
Я звал ее... И звал напрасно.
Она ушла в тот вечер с ним.
И мне впервые стало ясно,
что он теперь непобедим.

Я в глаза твои молча взгляну —
в омута глубины неизведанной.
И пойду, словно камень, ко дну
тяжело, безнадежно и преданно.
Лишь пойдут золотые круги
от зрачков твоих, суженных яростно.
Ты мне только тонуть помоги,
не спасай меня только, пожалуйста!

Есть в тебе нераскрытые тайны,
прикоснуться к которым боюсь.
В глубине твоих глаз не случайно
заморожена тихая грусть.
Это давний и горький осадок
недомолвок и первых утрат.
Это тени вечернего сада,
где о милых девчата грустят.
Мне близки твои грусть и тревога.
Я хочу, чтоб от сна и тепла
ветровая, земная дорога
снова к юности нас увела...

Говори — я буду слушать.
Хочешь — час, а хочешь — три.
Береги словами душу.
Все, что знаешь, говори.
Обо мне, таком пропащем,
неразгаданном, чужом.
О прошедшем, настоящем
и о будущем моем.
Все равно забуду вскоре
то, что выслушал сперва —
все уколы и укоры,
все обидные слова.
Но одно забыть не в силах
я, наверно, никогда —
то, что было,
то, что сплыло,
словно вешняя вода.

Ой, девчонка, в глаза не заглядывай,
русой челкою мне не качай.
Не спеши, далеко не загадывай —
ошибешься еще невзначай.
Не старайся казаться рисковною,
брови тонкие зря не своди.
Ой, девчонка моя бестолковая,
не ходи в темный лес, не ходи.
Там тебя серый волк дожидается.
в заколдованном, сказочном сне.
В том лесу чудеса начинаются,
от которых спасения нет.
Я бывал там. И знаю поэтому,
что тебя будет ждать впереди...
Ой, девчонка, печаль моя светлая,
не ходи в темный лес, не ходи.

Я своим в этом доме,
наверно, не буду.
Я, как пленный дикарь,
здесь сижу и молчу.
И звучит вызывающе
мне отовсюду:
— Уходи!
Не люблю!!
Не хочу!!!
Это так.
Только внешне
все очень пристойно —
в меру речи спокойны
и взгляды добры.
Я один понимаю,
чего тебе стоит
каждый час,
каждый миг
этой тяжелой игры.
— Человек терпелив, —
это часто я слышу.
Это жизнью доказано
тысячу раз.
В этом доме,
под этою тяжелой крышею,

в каждом сердце
терпенья пудовый запас.
Я сижу и молчу,
притушив сигарету.
Отражают моих двойников
зеркала.
И глаза твои —
две голубые планеты —
в этот вечер
далекая память зажгла.
Ты противишься ей,
брови тонкие хмуришь,
мучишь нервными пальцами
газовый шарф.
Я спокоен.
Я знаю, последнюю бурю
принимает твоя молодая душа.
Принимает и гасит
волну штормовую,
словно спичку,
коротким дыханием губ.
И волна, задохнувшись
в слепом поцелуе,
умирает на тихом
твоем берегу
Умирает волна.
Догорают планеты.
Тихо тенькают рюмки
с веселым вином...
В этом доме любовь
под суровым запретом.
И молчать о любви
здесь привыкли давно.

Хорошо, если все понимается.
Хорошо, если все принимается.
Что на сердце лежит —
все тебе несу.
На большой справедливый суд.
Я тебе надоел, наверное,
со своими дрянными нервами,
с неуклюжей бедой,
которая
так меня измотала здорово...
Но сегодня я весь особенный —
я сейчас свою силу пробую.
Я глаза свои щурю карие.
Я хочу с тобой разговаривать.
Молодой стою и взволнованный.
Дайте слово мне!
Дайте слово мне!..
И ищу я слово отчаянно
то, единственное, неслучайное.
А оно — в глазах твоих качается.
Начинается в них и кончается.

✓
Я снова в родительском доме.
Меня, пробудив ото сна,
кудрявым прибоем черемух
ударила в окна весна.
Я щурюсь от яркого света.
Глаза прикрываю слегка.
Ладони прохладные ветра
к моим прикоснулись щекам.
Распахнуты синие окна.
Играет пастуший рожок.
И мне, словно в детстве далеком,
опять хорошо-хорошо.
Давно уже царствует мама
в нехитром хозяйстве своем,
и пахнет в дому пирогами,
дымком и парным молоком.
Гляжу я на мамины плечи —
она будто ношу несет,
и память далече-далече
меня за собою ведет.
О, мама! Мне некуда деться
от памяти хмурой моей.
Нелегкое выпало детство
на долю твоих сыновей.
Большое сыновье спасибо,
родимая мама, тебе —

твоя материнская сила
спасла нас от тысячи бед.
И если я стою чего-то,
все это — добра твоего,
твоей материнской заботы
и веры твоей торжество...
И в это веселое утро
ты вечной заботы полна.
Но кажется мне почему-то
печальною эта весна.
Ведь снова тебе не досталось
весеннего вдоволь тепла —
не старость — большая
усталость
у глаз синевою легла.
Я верю, что ты — молодая!
Получше взгляни на себя:
ведь эта усталость земная
не старит, а красит тебя...
Сегодня, быть может, впервые
сказал мне родительский дом,
за что нашу землю-Россию
мы матерью нашей зовем.

Стоит девчонка, улыбается.
Годов, примерно, двадцати.
Ей что-то здорово понравилось,
да так, что глаз не отвести.
На солнце вешнее похожая,
в певучем платьице своем.
И улыбаются прохожие,
увидев солнечность ее.
Девчонке счастье в руки валится.
Ей, видно, очень повезло.
Стоит девчонка, улыбается.
Вокруг нее — светлым-светло.

Когда тебя устану ожидать я,
широкие зовущие объятья
тревожный вечер раскрывает мне.
И женщины с печальными глазами
идут неторопливыми шагами
в моем тяжелом, беспокойном сне.
Я вижу их тоскующие брови,
изломанные трудною любовью,
которой нет ни края, ни конца.
Но я тебя не вижу между ними —
у них другое тело, голос, имя
и незнакомо бьются их сердца.
И дышат их прозрачные одежды
какою-то невиданной надеждой,
рассчитанной на долгие года.
Любви их вечной время не затронет...
Я жду тебя на пасмурном перроне —
последние грохочут поезда.

А я стремлюсь к первоначалам.
И, расшибая тело в кровь,
я бьюсь о жесткие причалы
еще неведомых миров,
где все таинственно и просто,
где даль взволнованно тиха,
где совпадает, словно поступь,
дыханье сердца и стиха.
И, смяв нетоптанные травы,
иду к истокам синих рек,
простой и в чем-то величавый,
землей вскормленный человек.
Иду, покуда сил хватает,
на зов мерцающей звезды,
и ветер пылью заметает
мои тяжелые следы.
Потом, оглохший и усталый
от неразумной тишины,
я снова возвращусь к причалам
и отплыву в земные сны.
В земные сны, в земные были,
к земному трепету огня.
И буду рад, что не забыли
здесь беспокойного меня.
Что помнят рощи, помнят доли
мою походку, голос мой,

что по-мальчишески веселый
гуляет ветер надо мной.
И, распахнув глаза, как небо,
коснувшись ломкого стебля,
пойму, что колос пахнет хлебом
и спелым солнышком земля.

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

По-прежнему пахнет ромашковый луг
дурманящим запахом лета.
И старый злодей — колченогий паук —
свои расставляет тенета.
На тонком и нудном своем языке
гудят комаров эскадрильи.
И бабочка спит на волшебном цветке,
сложив разноцветные крылья.
Колосья пшеницы на ломких стеблях
под зрелую тяжестью клонятся.
И держит в широких ладонях земля
румяное яблоко солнца.

ОБЛАКА

Над землею плывут облака,
поднимая крутые бока.
День за днем, от утра до утра
их веселые гонят ветра.
А под ними — планета лежит,
обозначив свои рубежи.
А под ними — лежат города
в неподвижной своей красоте...
Облакам незнакома вражда
на крутой голубой высоте —
их крылатое племя живет
в государстве великих свобод.
О, земля, ты узнала давно,
что такое пожар и война.
И теперь люди верят давно,
что забыть ты о войнах должна.
Ты для мира, Земля, рождена —
пусть стоит над тобой тишина!
Пусть плывут над тобой облака,
поднимая крутые бока!

ЛЫЖНЯ

Здесь тишина.
Снега ее хранят.
Здесь человека будто не бывало.
Лишь чья-то осторожная лыжня
Скользнула мимо горного увала.
Но кто-то сильный, молодой придет
Сюда на лыжах.
И без размышлений
На встречный ветер
Грудью упадет,
И вздрогнет мир
От буйства
И движенья.

Выпрашивая,
вымаливая
любви золотое солнышко,
губами вечерними,
пальевыми
ты тянешь вино до донышка.
Красивая,
непричесанная,
глаза кержацкие,
дымные,
ты чувства разноголосые
своим называешь именем.
Тебе бы немножко гордости
в скупые цвета окрашенной —
твоя бы не стала молодость
чужую любовь выпрашивать.
А встала б
прямая,
резкая —
бокалы с вином качнулись бы.
И гордой прошла невестою
по тихим туманным улицам.
А ты —
молодая, сломанная,
усталая
и доверчивая.

Бросает тебя, как соломинку,
в волнах тревожного вечера.
Я тоже вовсе не трезвенник.
Все это здесь ни при чем.
Прости, что не очень вежливо
беру тебя за плечо.
От взглядов мутных, прилипчивых
я к звездам тебя веду
Тяжелое безразличие
ты стряхиваешь на ходу
И щеки твои горячие
целует вечерний снег...
Я верю,
переиначивать
может жизнь человек.

Смешная девчонка с челочкой,
с губами, как маков цвет,
девчонка моя, девчоночка
семнадцати звонких лет,
семнадцати весен солнечных,
семнадцати вьюжных зим,
твоя дорога девчоночья
с путем обнялась моим.
Веселые, бесшабашные
над нами ветры трубят,
и нету меня вчерашнего,
и нет вчерашней тебя.
Как будто кто поднял занавес
и нас пробудил от снов.
И все познается заново,
и мы рождаемся вновь.

Гремят последние трамваи,
железный ускоряя бег.
А я не знаю, я не знаю,
какой трамвай идет к тебе.
Я в эту ледяную полночь
живу надеждою одной,
что ты придешь ко мне на помощь
и позовешь меня с собой.
Туда, поближе к краю света,
откуда нет дорог назад,
где, словно солнце над планетой,
восходят милые глаза.

В твоих ладонях солнца много.
В них божий дар — солнцеворот.
Я их коснусь перед дорогой,
и солнце в кровь мою войдет.
Войдет разливисто и жарко,
ударит в бубен золотой.
И мне до боли будет жалко,
что я не твой, совсем не твой.
Что кто-то есть роднее, ближе —
хозяин дум твоих и снов.
Не понимаю, как он выжил?
Как в нем не выкипела кровь?

ТЕЛЕФОН

Я боюсь этой черной эмали
в паутине немых проводов.
Я боюсь этой черной печали
затаившихся, медленных слов.
Где-то там, в глубине наших
комнат,
спят предметы, глухи и немые,
но они удивительно помнят
все, чего не запомнили мы.
Им запомнились.
наше дыханье,
наши взгляды,
негромкая речь.
Они всеми моими стихами
покаялись эту память беречь.
И они сберегут.
Я им верю.
И в какой-то спасительный час
нам они свои тайны доверят
и расскажут всю правду о нас.
А сейчас, тишиною пугая,
телефон прислонился к стене,
и не ты, а другая,
другая
на звонки откликается мне...

Где-то ночь обнимает влюбленных,
бьется в окна черемух прибор.
И пугают меня телефоны,
потерявшие связи с тобой.

КАЛАРЫ

Местечко странное Калары.
Здесь остановка пять минут
На остановке две гитары
цыганским голосом поют.
Здесь над перроном старый

ТОПОЛЬ

роняет рыжие листки.
Сапог неукротимый топот
гнетет сосновые мостки.
От пляски лица разогреты.
И, выхваляясь на виду,
солонюватые куплеты
ребята под ноги кладут.
Им все позволено сегодня.
Вино и пляска из огня.
Костюмы, сшитые по моде,
им плечи жаркие теснят.
Седой кондукторше навстречу
веселый валится народ.
Жених, большой и крутоплечий,
невесту под руку ведет.
Она фатой накрыта легкой,
чуть-чуть вниманьем смущена.
Она на этой остановке,
знать, оставаться не должна.
Ее от отчего порога,

от сызмальства знакомых хат
зовет бубновая дорога
сегодня в царство жениха.
Гадают бабы на перроне
насчет невестиной судьбы:
или ей властвовать на троне,
или слугой у трона быть.
Вот свадьба заполняет поезд.
Поет хмельной нестройный хор,
и паровоз в дыму по пояс
выносит свадьбу на простор.
Стучат отчаянно колеса.
Под ними вся земля гудит,
и все неясные вопросы
остались где-то позади.
Невесте мучиться не надо
о том, что завтра ждет ее.
В вагоне с нею едет радость.
А свадьба — пляшет и поет.

Женщина плачет в тихом подъезде,
зябкая, точно осенний ветер,
горестно плачут узкие плечи,
плачет все молодое тело.

Наверно, ее обидел мужчина
по старой, древней, как мир, причине,
которая носит сотни названий,
но нет среди них одного — любви.
Я, видевший много на этом свете,
верю в бога и верю в черта,
которым неплохо живется вместе
в большом общежитии людской души.
Но я в одно никогда не поверю,
если мужчина женщину любит,
он может ее вот так оставить
наедине со своей любовью,
наедине со своей бедою?..

А женщина плачет горько и тихо
в пустынном безмолвье ночного подъезда,
и я одинокий свидетель этих,
ее обжигающих душу слез.
И я шаги замедляю невольно,
стою, оробев перед этим горем,
словно я во всем виноват.
Да, мне понятно, что в этом горе
я, мужчина, плохой помощник.

Хотя у меня и сильные руки,
беды им этой не отвести.
И я иду по лестнице гулкой
походкой усталого человека;
которому жизнь взвалила на плечи
еще одну непосильную ношу
Вот мой этаж, моя квартира.
Сухо, как пистолетный выстрел,
щелкнул в замочной скважине ключ.
А завтра я буду бродить по городу,
случайно плечом задевать прохожих.
И где-то в самых глубинах сердца
будут тяжелыми валунами
лежать невысказанные слова.
Я буду думать горько и глухо
о том, как холодно в этом мире
жить деревьям, зверям и людям,
если их не греет любовь.

ЛИЦА

Я человек.
Я все запоминаю:
добро и зло,
удачу и беду
А то, что память потеряла,
знаю —
я, только кровью заплатив,
найду
И стоит мне порой уединиться,
уйти в себя,
как лодке под волну,
встают передо мной
немые лица.
И я пред ними чувствую вину
За то, что оживить их не умею
и не могу назвать их имена!
За то, что злою памятью моею
воздвигнута забвения стена.
Они угрюмо брови опускают.
Как на суду, пред ними я стою.
Они прощают мне
и не прощают
тяжелую забывчивость мою.
Что мне сказать вам, лица,
в оправданье?..

Лишив меня спокойствия и сна,
почаще приходите на свиданье —
и я припомню ваши имена.

ОБХОДЧИК

✓
Здесь поезд не сбавляет хода,
летит, как дьявол, напролом.
Здесь одиночеству запродан
обходчика тесовый дом.
Я ветром занесен попутным
сюда, как лодка, по реке.
И мне немного неуютно
в медвежьем этом уголке,
где на стене висит двухстволка
и старый радужный плакат,
да книги на посудной полке
неровной стопкою лежат.
Я здесь всего лишь гость случайный,
но мне обходчик, видно, рад.
Меня он угощает чаем,
придвинув сахар-рафинад.
А я спросить поторопился
об одиночестве его.
Спросил и сразу устыдился
неразуменья своего...
И молчаливый, как пустыня,
на мой невежливый вопрос
он брови свел свои седые
и на меня взглянул всерьез.
Я этой ночью долго слушал,
как за окном, в пяти шагах

то громко, то немного глуше
шумела матушка-тайга.
Я слушал, как с тяжелым вздохом
во сне ворочалась река,
как поездов чугунный грохот
вдруг нарастал издалека.
Я видел, как большой, сутулый,
фонарь цветастый засвегив,
обходчик шел навстречу гулу
И был особенно красив
в минутном грохоте и свете,
что наплывал со всех сторон.
Казалось мне, что всей планете
В минуту эту виден он...

КОЛЬЧУГА

Когда гуляла смерть по кругу,
булатный меч щиты крошил,
мой предок выковал кольчугу
и ею сердце защитил.
Она в плечах его теснила.
Зато — по многу раз на дню
ломала копья вражья сила
об искрометную броню.
Но иногда рукой косматой
направленное в грудь копье,
минуя щит, минуя латы,
входило накрепко в нее.
И все равно над смертью сила
свое справляла торжество.
Кольчуга предка подводила,
спасало мужество его.
Мой храбрый предок, мудрый предок,
живым прошедший сквозь бои,
я помню все твои победы
и поражения твои.
И я наследую, приемлю
могучесть дикую твою.
Я, как и ты, в родную землю
Как будто вкопанный, стою.
Хожу, не дрогнув, в рукопашный,
смотрю опасности в лицо.

И мне порой бывает страшно,
когда смыкается кольцо
всех неудач и треволнений,
обид и горестных потерь.
Но я пред ними на колени
не упаду Мой предок, верь!
Пусть я в железо не закован,
но я от этого не слаб.
Твоя железная основа
надежно в кровь мою вошла.

ГОЛОС

Мой дикий предок,
в каменной пещере
ты пробовал впервые силу легких,
от радости и злобы захмелев.
И женщины с раскосыми глазами,
услышав твой гортанный,
страшный голос,
не сдерживали дрожи узких плеч.
А в битвах возмужавшие мужчины
сидели у огня окаменело,
тяжелыми, могучими руками
сжимая рукоятки топоров.
Они молчали долго, напряженно.
И каждый чутко вслушивался
в голос,
гортанный голос
своего вождя.
А голос бился в каменные стены,
искал простора,
воздуха
и света.
И робко жалось медленное пламя
к земле, пропахшей древностью
и страхом...

Мой предок пел...

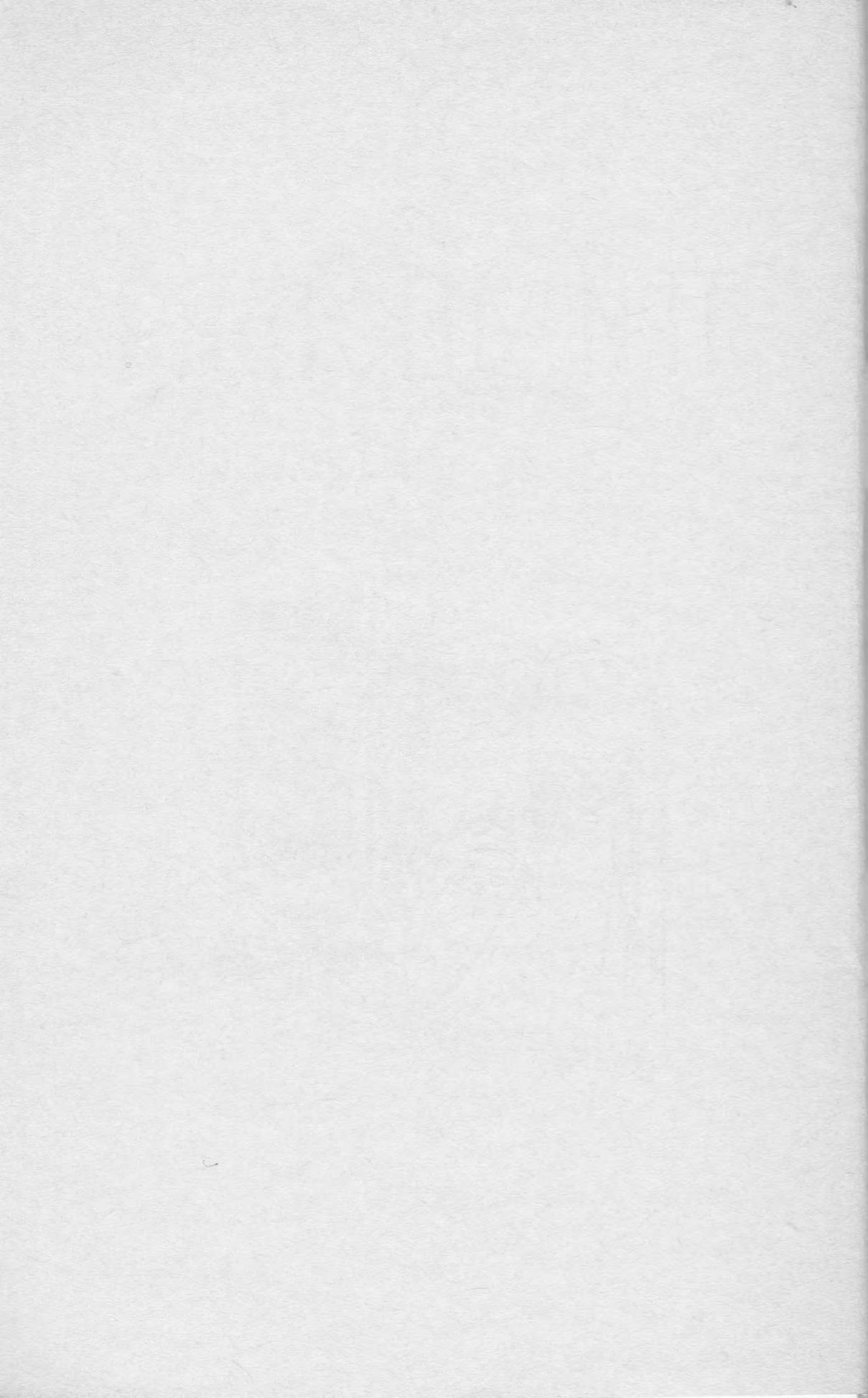
В своем святом безумстве
он походил на первого поэта,
который захлебнулся в океане
таинственных
невысказанных слов...
Минули с тех времен тысячелетья,
и снова этот голос был разбужен
в гекзаметрах незрячего Гомера,
в сонетах гениального Петрарки
и в зоревых напевах пастухов.
Была в нем удивительная сила,
которая, как эхо, прокатилась
через века, народы и события
и в наши дни звучит победным громом...
Веками ветры стачивали скалы
и превращали их в песок сыпучий.
Слепые, одичавшие вулканы
под пеплом погребали города.
А голос — оставался!
Сильный,
гордый,
он царствовал над всем
живым
и мертвым.
Он мудрое величье человека
своим бессмертьем в мире утверждал...
Вот и сейчас,
когда я, одержимый,
шепчу слова, склонившись над бумагой,
я тоже чутко вслушиваюсь в голос,
который громыхает дальним эхом
и в грудь мою настойчиво стучится.
И сердце бьется в непривычном ритме.
И я записываю этот ритм.

Неумолимо, дерзновенно,
в большую втянутый игру
течет огонь по жарким венам,
как по бикфордову шнуру.
Толкает сердце терпеливо
его который год подряд.
Огня могучие приливы
броню набухших вен бугрят.
Он слепо тянется к заряду.
И в этом — жизни естество...
А где-то рядом, где-то рядом
заряд предчувствует его.

ТРИ ДЕКАБРЯ

Поэма

Ветер, декабрьский ветер,
на голос мой отзовись.
Беру я тебя в свидетели
большой человеческой любви.
Любовь — это что-то весеннее
и солнечное всегда,
если даже цветение
ей выпадет в холода.
Она ледники расплавит,
она сугробы спалит —
такое дано ей право
от Солнца и от Земли,
которые этим чудом
живут миллионы лет.
И будут живы, покуда
любовь живет на земле!

Воинственная, упрямая,
как ясный солнечный свет,
к Мишке любовь нагрянула
в семнадцать ребячьих лет.
Взошла она, словно солнышко,
над Мишкиною судьбой,
и сердце его наполнила
радостною мечтэй.
Он шел, как будто по радуге,
по тропке своей любви,

и песня великой радости
звенела в его крови.
Тропка была протоптана
к приметному деревцу —
к старому Зинкину тополю,
к резному ее крыльцу.
Сколько ждалось и верилось
Мишке здесь в этот год —
разве девичья ветренность
это когда поймет?

Она его не понимала.
И, может, только потому
его любви не принимала,
была недоброю к нему.
И в чем-то чуточку взрослее,
всегда насмешлива, резка,
на все мальчишечьи затеи
смотрела Зинка свысока.
Но иногда, видать, от скуки
или на зло другим парням
свои порывистые руки
тянула к Мишкиным кудрям.
Дышала жарко и тревожно,
как будто на краю беды.
И было все простым и сложным,
как свет таинственной звезды

Молода, красива, крутоброва,
притушив огни лукавых глаз,
выходила Зинка Королева
на девичий бойкий перепляс.
Озорно плечами поводила,
пробовала землю каблучком.
И взлетал платочек белокрылый

голубком над нашим пятачком.
Как она плясала,
как плясала!
Как летали косы у нее.
И гармонь без устали играла,
ей отдав дыхание свое.
Под ноги частушки-хохотушки
ей кидали парни-остряки.
И смотрели с завистью подружки,
прикусив цветастые платки.

Ночкой летнею, ночкой лунной
то печальна, то весела
долго бродит Мишкина юность
за околицею села.
Как она горда и вихраста,
эта юность. Откуда к ней
поспешает навстречу счастье?
Кто на это ответит мне?..
А счастье вовсе не спешило.
Литые косы расплело,
и свет в окошке потушило,
и спать усталое легло.
И снились сны ему на зорьке,
что все желанное сбылось.
И только, как это ни горько,
в них места Мишке не нашлось.

В дождливых днях тонуло лето.
Затихла листьев кутерьма.
И как-то очень незаметно
пришла метельная зима
С ветрами, вьюгами седыми,
со скрипом кованых саней,
с косматыми чубами дыма

в окоченевшей вышине.
И в эту пору, в эту пору,
когда зима держала власть,
пошли в деревне разговоры,
что Зинка в город собралась.
Не в гости вовсе, не по делу
и не из корысти какой,
а просто Зинке захотелось
отведать жизни городской.
Об этом бабы у колодца
вели веселый пересуд:
мол, в городах легко живется,
а мы, вот, с вами майся тут!
Но бабы есть, конечно, бабы:
у них на все один резон.
Мужчины знают эту слабость.
А Мишка?
Знал ее и он.
Он им не верил.
Но однажды
декарьским утром ледяным
она уехала. И даже
забыла попрощаться с ним.
Прошла неделя.
Месяц минул —
от Зинки не было вестей.
И Мишку так неодолимо
вдруг потянуло вслед за ней.
Он уходил за ней в погоню.
Бросались вскачь по вечерам
его любви шальные кони
навстречу вьюгам и ветрам.

Губной помады тюбик
стерт наполовину —

давно не красит губы
Королева Зина.
И зеркало овальное
без дела пропадает —
лицо ее печальное
все реже с ним бывает.
А было, было, было,
совсем другое было —
она его любила.
Да еще как любила!

Была красивой Зинка
среди своих подруг
Бордовая косынка
горела на ветру
Горели губы жарко,
глаза горели жарко.
Мне многого не жалко,
а Зинки этой жалко.
Ах, Зинка, Зина, Зинушка —
плетеная коса,
нелегкая кручинушка
сожгла твои глаза,
высушила слезоньки
за пару горьких лет.
Осеннею березонькой
живешь ты на земле.
Осенней, неприкаянной,
лицом белым-бела.
А ты была отчаянной,
счастливою была!
Парням ночами снилась ты.
И мне ты тоже снилась.
Так что, скажи на милость ты,
с тобою приключилось?

Окно в узорах расписных —
веселая листва.
Затейливый пейзаж весны
мороз нарисовал.
Укутал на ночь в пухлый снег
он маковки берез.
Наверно, грезил о весне
озябший дед-мороз.
Он с белым цветом был в родстве
немало тысяч лет.
И потому окрасил свет
в привычный белый цвет...
Притихла Зинка у окна —
ей что-то не до сна.

Здравствуй, Мишка!
Заходи, пожалуйста,
в город наш,
от снов его буди.
Вместе с вьюгой,
вместе с ветром яростным
не стесняйся, Мишка,
заходи!..
И он шагнул через порог,
широкоплеч и строг.
Морщинка ломкая у губ —
упряма и резка.
Вихрастый своевольный чуб
пригладила рука.
Из давних дней,
из давних лет
он к ней пришел сюда.
В глазах его качнулся свет,

как горькая беда.
Еще неузнанный, чужой
стоял он перед ней
за той невидимой межой —
в совсем другой стране.
В другой стране
и стороне,
уплывшей в забвенье.
О, друг мой Мишка,
как же мне напомнить про нее,
Про ту страну и сторону,
в которой ты живешь,
сказать ей, что ее одну
туда с собой зовешь?

Спасибо, память!
В этот раз
ты Зинке помогла...
Она, не поднимая глаз,
стояла у стола.
Слезинка капелькой росы
дрожала на щеке.
И громко тикали часы
на Мишкиной руке:
— Со мной всегда шутила ты,
обняв мое плечо,
мол, подрасти, мой миленький,
и приходи еще.
Я эту речь недлинную
запомнил хорошо.
С тех пор два года минуло,
и я к тебе пришел.
Нежданным и негаданным,
далеким и чужим.
Ты рада иль не рада мне?

По правде все скажи!..
У Зинки брови строжатся,
у Зинки в пальцах дрожь:
— Не хочется!
Не можется!
Не трожь меня! Не трожь!
Такая доля вышла мне —
тебе ль ее понять!?
Ой, Мишенька,
ой, лишенько,
не спрашивай меня!..

И он стоял, не спрашивал,
до боли пальцы сжав.
Слова казались страшными,
как пересверк ножа.
Любовь его, печаль его —
звезда тревожных лет.
И к ней он шел отчаянно
по солнечной земле.
И вот он, светом залитый,
в лучах ее стоит —
в морозных диких зарослях
бушуют соловьи.
Летят на подоконники,
по стеклам бьют крылом.
И сердцу беспокойному
светло и тяжело.

И словно впервые заметив
своей красоты торжество,
в ином, неожиданном свете
увидела Зинка его —
влюбленного, милого парня,
который за тысячу верст

любовь, а не добрую память
к порогу любимой принес.
В ладонях, широких и щедрых,
сумел он ее донести.
Декабрьские вьюжные ветры
ему помогали в пути.
И вот он стоит перед нею —
родной и чужой —
оттого,
что счастье приходит позднее,
чем мы ожидаем его.

Мы жизнь познавали всяко:
учились смеяться и плакать,
учились сдерживать слезы
и прятать в глазах улыбки,
умели грешить серьезно
и исправлять ошибки.
И в этом, наверно, мудрость
заложена, между прочим, —
недаром ясное утро
приходит к нам после ночи.
Недаром большая правда
горька в своем изначале.
Недаром на радость право
дается после печали.
И если б жизнь обделила
нас бедами и ненастьем,
откуда взялась бы сила
для трудной борьбы за счастье?

В эту ночь под окнами у Зинки
ветры спали, крылья распластав.
Эта ночь была особо длинной,
очевидно, вовсе неспроста.

Я помню, как с первой рабочей наградой,
оставив на время свои мастерки,
тебя от души поздравляла

бригада
и тискала руку твою по-мужски.
Начальник участка чуть-чуть
запоздало
пришел на бригадное к нам

торжество...
Не думали все мы тогда,
не гадали,
что с первого взгляда
полюбишь его.

А ты полюбила.
И с этой минуты
забил твоей нежности скрытый
родник...

Мне трудно сейчас вспоминать
почему-то
про эти счастливые Зинкины
дни.

В них не было счастья.
А было в них — горе.
В них — темная ночь
разметала крыла.

И это узнали мы, поняли вскоре.
Слепою одна только Зинка была.
Она независимо с нами держалась
на дальнем и скрытом
своем берегу

И только морщинка печально
сломалась

У Зинкиных жарко очерченных губ.
Обманы, потери...
И снова — потери.

И завтра, похожее всем
на вчера.
Игра на великом девичьем
доверье,
привычная, точная, злая игра...
Мне эту историю Мишка
потом рассказал до конца.
Я понял, что, видимо, слишком
вам жизнь проверяла сердца.
Брала с них высокую пробу,
бросала в огне пламенеть.
Я знал, что вы сильные оба,
а сильных — не надо жалеть!

Я пришел к этим людям
не с киркой и лопатой —
с журналистским блокнотом
в озябших руках.
И, наверно, правы
были эти ребята,
если мне не во всем
доверяли пока.
Исходил я всю стройку.
С любопытством мальчишки
лез по лестницам шатким
с этажа на этаж.
А потом вечерами
потрепанной книжке
доверительно что-то
шептал карандаш.
Это было в теплушке.
И, пожалуй, не кстати
я писал под контролем
насмешливых глаз.
Два короткие слова

«товарищ писатель»
мне казались тогда
воплощением зла.
Этих слов безобидность
Я понял позднее.
И почувствовал грубую
их доброту
Я теперь понимаю
надежней, яснее
силу слова «товарищ»,
его красоту,
высоту!

Горели каменщиков лица
от злых декабрьских холодов,
и мастер трогал рукавицей
седую изморозь усов.
Была протоптана дорожка,
наверно, доброй сотней ног
к избушке, что на курьих ножках
окном смотрела на восток.
Она, по сущности, свидетель
преображения земли.
И потому на белом свете
ей лучше места не нашли.
Здесь сторожиха тетя Маша
калила печку добела.
Здесь получала стройка наша
запас добротного тепла.
Здесь столько раз сшибались
в спорах
сбивались на крикливый тон,
когда касались разговоры
проблемы с именем «бетон».
Прораб, угрюмо брови сдвинув,

над чертежами тут корпел,
и полушубок из овчины
на нем отчаянно скрипел.

Он был начальник

как начальник.

Особых доблестей за ним
мы никогда не замечали.
Он был, пожалуй, нелюдим.
Еще годами вроде молод
высокий, статный, полный сил,
в своей душе какой-то холод,
как нам казалось, он носил.
Ходили потихоньку слухи
О том, что бросил он семью.
И все такое — в том же духе...
Но слухов я не признаю.
Да, мне запомнилось не это...
Морозный ветер февраля
и день, когда под этим ветром
была распластана земля.
Мне не забыть, как с грозным скрипом
шутя шатала кран беда,
как бригадир Гафир Зарипов
в мои стихи вошел тогда.
Его железная бригада
взошла на шаткие леса.
Из-за простого слова «надо!»
она свершила чудеса.
Был корпус кровлею надежной
покрыт до срока на ветру.
Нет, вы представьте, если можно,
что значит кровельщика труд
на высоте в пятнадцать метров,
на злой, покато́й крутизне.

наедине с жестоким ветром,
с самой бедой наедине.
И только после мы узнали,
когда отхлынула беда,
что шесть часов торчал начальник
в бригаде кровельной тогда.
Морозным ветром зацелован,
в пальтишке легком, продувном
работал он на честном слове
с народом нашим заодно.
Волок наверх катушки толя
и крышу яростно смолил.
И телом чувствовал до боли
все расстоянье до земли.
Все это так. Но я вначале
сказал, что был он нелюдим.
И после этого считали
его мы все-таки чужим.
И потому я верил глухо:
ошиблась наша Зинка в нем.
И вовсе ни при чем тут слухи
И все другое ни при чем.

О Мишка, как я понимаю
всю боль и горечь этих слов,
как близко к сердцу принимаю
твою нелегкую любовь,
твою мальчишескую силу
и душу жаркую твою —
они сегодня победили
в неравном яростном бою.
В покрытой копотью теплушке,
где стол да шаткая скамья,
по праву тайному подслушал
ваш разговор короткий я.

Ты говорил ему
— Начальник!
Зачем ты душу ей мочалил?
Зачем плевал на все святое,
когда такой любви не стоил?
Зачем?..
На тысячу вопросов
всегда готов один ответ.
Начальник с пеплом папиросы
стряхнул рассеянное: «Нет!»
Сказал и посмотрел устало,
совсем обычно и не зло.
Но это ясно означало,
что время Мишки истекло.
А время Мишки начиналось.
На праздник Солнца и Земли
к весенним радостным причалам
его спешили корабли.
И ничего, что злая память
его сейчас брала в полон,
в мечту влюбленными глазами
большую правду видел он.
И понимал, пускай впервые,
чужое горе и любовь.
Он к ним дороги ветровые
еще не раз пройти готов,
он будет яростно стучаться
в чужие двери и сердца,
в которых вера в жизнь и в счастье
еще не вышла до конца.
Когда-нибудь, как гость случайный,
по самой дальней из дорог
он, может, и к тебе, начальник,
еще придет на огонек.
Смахнет снежок с косматой шапки,

И, скинув кладь с крутых плечей,
как будто выронит охапку
веселых солнечных лучей.

* * *

Простите выдумку поэту,
игру затейливую слов.
Я верю, что идут по свету.
в обнимку юность и любовь.
Пускай покажутся их лица
вам непохожими порой,
но все равно в них повторится,
мой Мишка, юный мой герой.
Его любовь, его тревога
и жажда света и тепла.
Земная дальняя дорога
его с собою увела.

СОДЕРЖАНИЕ

«Я все не в силах отразить»	3
Гончарный круг	4
«Я был влюблен до нелепости»	5
Нинка	6
«Ты, словно лодка, легка, светла...»	8
«Я застенчивый джин из волшебной лампы...»	9
Соперник	11
«Я в глаза твои молча взгляну...»	13
«Есть в тебе нераскрытые тайны...»	14
«Говори, я буду слушать»	15
«Ой, девчонка, в глаза не заглядывай...»	16
«Положи мне на плечи...»	17
«Я своим в этом доме, наверно, не буду»	18
«Хорошо, если все понимается»	20
«Я снова в родительском доме»	21
«Стоит девчонка, улыбается»	23
«Когда тебя устану ожидать я...»	24
«А я стремлюсь к первоначалам»	25
Летний вечер	27
Облака	28
Лыжня	29
«Выпрашивая, вымаливая...»	30
«Смешная девчонка с челочкой...»	32
«Ты приходишь в мои беспокойные сны...»	33
«Гремят последние трамваи...»	34

«В твоих ладонях солнца много»	35
Телефон	36
Калары	38
«Женщина плачет в тихом подъезде...»	40
Лица	42
Обходчик	44
Кольчуга	46
Голос	48
«Неумолимо, дерзновенно...»	50
Три декабря (поэма)	51

Валентин Васильевич Махалов

ПОЛЮС ЛЮБВИ

Художник Г. Ефремов.

Редактор И. Киселев.

Художеств. редактор О. Красова.

Техн. редактор Г. Рудина.

Корректор В. Маркова.

Сдано в набор 15-ХІІ-1965 г.

Подписано к печати 17-ІІІ-1966 г.

ОП00259. Формат бум. 60×90¹/₃₂.

Печ. л. 3,13. Уч.-изд. л. 2,01. Авт. л. 1,81.

Тираж 8000. Заказ № 9965. Цена 10 коп.

Кемеровское книжное издательство,

Кемерово, Советский проспект 94.

Типография «Кузбасс»,

Кемерово, Кузнецкая, 9.

Цена 10 коп.

Кемерово 1966